

Константин Бальмонт

ТИШИНА

Лирические поэмы

Есть некий час всемирного молчанья.

Тютчев

ВОЗРОЖДЕНИЕ

Сонет

Близ пышной Мексики, в пределах Аризоны,
Меж рудников нашли окаменелый лес,
В потухшем кратере, где скаты и уклоны
Безмолвно говорят о днях былых чудес.

Пред взором пристальным ниспала мгла завес,
И вот горит агат, сапфиры, халцедоны, –
В тропических лучах цветущей Аризоны
Сквозь тьму времен восстал давно отживший лес.

Он был засыпан здесь могучим слоем пыли,
Стихийной вспышкой отторгнут от земли,
С ее Созвездьями, горящими вдали.

Но канули века, и кратеры остыли,
Скитальцы бледные владыками пришли, –
И новым сном зажглись обломки давней были.

МЕРТВЫЕ КОРАБЛИ

Прежде чем душа найдет возможность
постигать и дерзнет припоминать,
она должна соединиться с Безмолвным
Глаголом, – и тогда для внутреннего
слуха будет говорить Голос Молчания.

Из индийской мудрости

Между льдов затерты, спят в тиши морей
Остовы немые мертвых кораблей.
Ветер бысролетный, тронув паруса,
Прочь спешит в испуге, мчится в небеса.
Мчится – и не смеет бить дыханьем твердь,
Всюду видя только – бледность, холод, смерть.
Точно саркофаги, глыбистые льды
Длинною толпою встали из воды.
Белый снег ложится, вьется над волной,
Воздух заполняя мертвой белизной.
Вьются хлопья, вьются, точно стаи птиц.
Царству белой смерти нет нигде границ.
Что ж вы здесь искали, выброски зыбей,
Остовы немые мертвых кораблей?

2

«На Полюс! На Полюс! Бежим, поспешим,
И новые тайны откроем!
Там, верно, есть остров – красив, недвижим,
Окован пленительным зноем!

Нам скучны пределы родимых полей,
Изведанных дум и желаний.
Мы жаждем качанья немых кораблей,
Мы жаждем далеких скитаний.

В безвестном – услада тревожной души,
В туманностях манят зарницы.
И сердцу рокочут приливы: «Спешите!» –
И дразнят свободные птицы.

Нам ветер бездомный шепнул в полусне,
Что сбудутся наши надежды:
Для нового Солнца, в цветущей стране,
Проснувшись, откроем мы вежды.

Мы гордо раздвинем пределы Земли,
Нам светит наш разум стоокий.
Плывите, плывите скорей, корабли,
Плывите на Полюс далекий!»

3

Солнце свершает
Скучный свой путь.
Что-то мешает
Сердцу вздохнуть.

В море приливы
Шумно растут.
Мирные нивы
Где-то цветут.

Пенясь, про негу
Шепчет вода.
Где-то к ночлегу
Гонят стада.

4

Грусть утихает:
С другом легко.
Кто-то вздыхает –
Там – далеко.

Счастлив, кто мирной
Долей живет.
Кто-то в обширной
Бездне плывет.

Нежная ива
Спит и молчит.
Где-то тоскливо
Чайка кричит.

5

«Мы плыли – все дальше – мы плыли,
Мы плыли не день и не два.
От влажной крутящейся пыли
Кружилась не раз голова.

Туманы клубились густые,
Вставал и гудел Океан, –
Как будто бы ведьмы седые
Раскинули вражеский стан.

И туча бежала за тучей,
За валом мятежился вал.
Встречали мы остров плавучий,
Но он от очей ускользал.

И там, где из водного плена
На миг восставали цветы,
Крутилась лишь белая пена,
Сверкая среди темноты.

И дерзко смеялись зарницы,

Манившие миром чудес.
Кружились зловещие птицы
Под склепом пустынных Небес.

Буруны закрыли со стоном
Сверканье Полярной Звезды.
И вот уж с пророческим звоном
Идут, надвигаются льды.

Так что ж, и для нас развернула
Свой свиток седая печаль?
Так, значит, и нас обманула
Богатая сказками даль?

Мы отданы белым пустыням,
Мы тризну свершаем на льдах,
Мы тонем, мы гаснем, мы стынем
С проклятьем на бледных устах!»

6

Скрипя, бежит среди валов,
Гигантский гроб, скелет плавучий.
В телах обманутых пловцов
Иссяк светильник жизни жгучей.

Огромный остов корабля
В пустыне Моря быстро мчится,
Как будто где-то есть земля,
К которой жадно он стремится.

За ним, скрипя, среди зыбей
Несутся бешено другие,
И привиденья кораблей
Тревожат области морские.

И шепчут волны меж собой,
Что дальше их пускать не надо, –
И встала белою толпой
Снегов и льдистых глыб громада.

И песни им надгробной нет,
Бездушен мир пустыни сонной,
И только Солнца красный свет
Горит, как факел похоронный.

7

Да легкие хлопья летают,
И беззвучную сказку поют,

И белые ткани сплетают,
Созидают для Смерти приют.

И шепчут: «Мы – дети Эфира,
Мы – любимцы немой тишины,
Враги беспокойного мира,
Мы – пушистые чистые сны.

Мы падаем в синее Море,
Мы по воздуху молча плывем,
И мчимся в безбрежном просторе,
И к покою друг друга зовем.

И вечно мы, вечно летаем,
И не нужно нам шума земли,
Мы вьемся, бежим, пропадаем,
И летаем, и таем вдали...»

ИСКРЫ

И они отпали от Великого
Источника, и падая зажглись
неверным светом.
Из Летописи Мира

1

Туман ли собирается,
Скрывая небосвод,
Звезда ли загорается
Над лоном синих вод, –
Бессменно-одинокая,
Душа грустит всегда,
Душа душе далекая,
Как для звезды звезда.

2

Повсюду сказка бледная –
Загадкой предо мной,
Горит заря победная,
Сменяется Луной, –
Но нет ответа нежности,
И гасну я без слов,
Затерянный в безбрежности
Тоскующих миров.

3

Как медленно движение
Томительных часов!
Как мало отражения
В обмане наших снов!
Как мало отражения
Негаснущих огней,
Что дремлют без движения
За гранью наших дней!

4

За гранью отдаленною
Бесчисленных светил,
За этой возмущенною
Толпой живых могил,
Есть ясное Безветрие
Без плачущего я.
Есть светлое Безветрие
Без жажды бытия.

5

Но то не Смерть, печальная
Владычица людей,
Не пляска погребальная
Над грудями костей.
За гранями алмазными
Ни ночи, ни утра.
Ни зла с его соблазнами,
Ни тусклого добра.

6

Там вечны сны блаженные
В прозрачной мгле мечты,
Там вечны сокровенные
Виденья Красоты.
Нетленным светом нежности
Там все озарено,
Там счастье Безбрежности,
Где слито все в одно.

7

Зачем же, – дух стремления,

В разлуке с Красотой, –
Я жажду отдаления
От родины святой!
Я – искра, отступившая
От Солнца своего,
И Бога позабывшая,
Не знаю для чего!

ВОЗДУШНО-БЕЛЫЕ

I tell thee, when I pass away, it is to
tenfold life, to love, to peace, and
raptures holy. Unseen descending weigh
my light wings upon balmy flowers.
Blake

Я говорю тебе, – уходя, я уйду к
удесятеренной жизни, к миру, к любви,
к святым восхищениям. Незримо
нисходя, тяготееют мои легкие крылья
над бальзамическими цветами.
Блейк

СНЕЖНЫЕ ЦВЕТЫ

1

В жажде сказочных чудес,
В тихой жажде снов таинственных,
Я пришел в полночный лес,
Я раздвинул ткань завес
В храме Гениев единственных.

В храме Гениев Мечты
Слышу возгласы несмелые,
То – обеты чистоты,
То – нездешние цветы,
Все цветы воздушно-белые.

2

Я тревожный призрак, я стихийный гений,
В мире сновидений жить мне суждено,
Быть среди дыханья сказочных растений,
Видеть, как безмолвно спит морское дно.

Только вспыхнет Вesper, только Месяц глянет,
Только ночь настанет раннею весной, –
Сердце жаждет чуда, ночь его обманет,
Сердце умирает с гаснущей Луной.

Вновь белеет утро, тает рой видений,
Каждый вздох растений шепчет для меня:
«О, мятежный призрак, о, стихийный гений,
Будем жаждать чуда, ждать кончины дня!»

3

В глубине души рожденные,
Чутким словом пробужденные,
Мимолетные мечты,
Еле вспыхнув, улыбаются,
Пылью светлой осыпаются,
Точно снежные цветы, –

Безмятежные, свободные,
Миру чуждые, холодные
Звезды призрачных Небес,
Тех, что светят над пустынями,
Тех, что властвуют святынями
В царстве сказок и чудес.

4

Я когда-то был сыном Земли,
Для меня маргаритки цвели,
Я во всем был похож на других,
Был в цепях заблуждений людских.

Но, земную печаль разлюбив,
Разлучен я с колосьями нив,
Я ушел от родимой межи,
За пределы – и правды, и лжи.

И в душе не возникнет упрек,
Я постиг в мимолетном намек,
Я услышал таинственный зов,
Бесконечность немых голосов.

Мне открылось, что Времени нет,
Что недвижны узоры планет,
Что Бессмертие к Смерти ведет,
Что за Смертью Бессмертие ждет.

Ожиданьем утомленный, одинокий, оскорбленный,
 Над пустыней полусонной умирающих морей,
 Непохож на человека, я блуждаю век от века,
 Век от века вижу волны, вижу брызги янтарей.

Ускользящая пена... Поминутная измена...
 Жажда вырваться из плена, вновь изведать гнет оков.
 И в туманности далекой, оскорбленный, одинокий,
 Ищет гений светлоокий неизвестных берегов.

Слышит крики: «Светлый гений!.. Возвратись на стон мучений...
 Для прозрачных сновидений... К мирным храмам... К очагу...»
 Но за далью небосклона гаснет звук родного звона,
 Человеческого стоны полюбить я не могу.

Мне странно видеть лицо людское,
 Я вижу взоры существ иных,
 Со мною ветер, и все морское,
 Все то, что чуждо для дум земных.

Со мною тени, за мною тени,
 Я слышу сказку морских глубин,
 Я царь над царством живых видений,
 Всегда свободный, всегда один.

Я слышу бурю, удары грома,
 Пожары молний горят вдали,
 Я вижу Остров, где все знакомо,
 Где я – владыка моей земли.

В душе холодной мечты безмолвны,
 Я слышу сердцем полет времен,
 Со мною волны, за мною волны,
 Я вижу вечный – все тот же – Сон.

Я вольный ветер, я вечно вею,
 Волную волны, ласкаю ивы,
 В ветвях вздыхаю, вздохнув, немею,
 Лелею травы, лелею нивы.

Весною светлой, как вестник Мая,
 Целую ландыш, в мечту влюбленный,
 И внемлет ветру Лазурь немая, –
 Я вею, млею, воздушный, сонный.

В любви неверный, расту циклоном,
Взметаю тучи, взрываю Море,
Промчусь в равнинах протяжным стоном,
И гром проснетя в немом просторе.

Но снова легкий, всегда счастливый,
Нежней, чем фея ласкает фею,
Я льну к деревьям, дышу над нивой,
И, вечно вольный, забвеньем вею.

СВЕТЛЕЙ СЕБЯ

Прекрасен лик звезды с прозрачным взором,
Когда она, не рдея, не скорбя,
И зная только Небо и себя,
Струит лучи нетающим узором,
Средь дальних звезд, поющих светлым хором.

Но как она светлей самой себя,
Когда, воспламененным метеором,
Огни лучей стремительно дробя,
Горит – пред смертью, падает – любя!

ЗОЛОТАЯ ЗВЕЗДА

Золотая звезда над Землею в пространстве летела,
И с Лазури на сонную Землю упасть захотела.

Обольстилась она голубыми земными цветами,
Изумрудной травой и шуршащими в полночь листьями.

И, раскинувши путь золотой по Лазури бездонной,
Полетела как ангел – как ангел преступно-влюбленный.

Чем быстрее улетала она, тем блистала яснее,
И горела, сгорала, в восторге любви пламеня.

И, зардевшись блаженством, она уступила бессилью,
И, Земли не коснувшись, рассыпалась яркою пылью.

КАК ЦВЕТОК

Как цветок я хочу расцвести
И угаснуть без слова упрека,
И в душе я сумею найти
Бесконечный расцвет златоока.

Я как ландыш, бледнея, цвету
Для мечтательных, нежных, влюбленных,
И в лесу создаю красоту
Для сердец, красотой утомленных.

Полюбив молодую Весну,
В поцелуях сплетенные тени,
Я порою всю ночь не усну
И мечтаю, как ветка сирени.

И, узнавши из пения птиц,
Что окончились празднества Мая,
Я при свете полночных зарниц
Расцвету, как гвоздика лесная.

И когда, разлюбивши мечты,
Я забудусь в могильной постели,
Надо мной, в торжестве Красоты,
Навсегда расцветут иммортели.

ЦВЕТЫ НАРЦИССА

Точно из легкого камня иссечены,
В воду глядят лепестки белоснежные.
Собственным образом пристально встречены,
В глубь заглянули цветы безмятежные.

Мягкое млеет на них трепетание,
Двойственно-бледны, растут очертания.
В глубь заглянули немые цветы, —
Поняли, поняли свет Красоты!

Сердце, багряной чертой окаймленное,
Тайно хранит золотые признания.
Только в себя неовратно-влюбленное,
Стынет, бледнеет, в мечтах без названия.

С чистою грезой цветок обручается,
Грезу любя, он со Смертью венчается.
Миг, — и от счастья гаснут цветы, —
Как они поняли свет Красоты!

БРОМЕЛИЯ

В окутанной снегом пленительной Швеции
На зимние стекла я молча глядел,
И ярко мне снились каналы Венеции,
Мне снился далекий забытый предел.

Впивая дыханье цветущей бромелии,
Цветка золотого с лазурной каймой,
Я видел в глазах наклонившейся Лелии
Печаль, затененную страстью немой.

Встречались взоры с ответными взорами,
Мы были далеко, мы были не те.
Баюкал нас иней своими узорами,
Звала вас бромелия к дальней мечте.

И снова, как прежде, звеня отголосками,
Волна сладкозвучно росла за волной,
И светлые тени, подъятые всплесками,
На гондолах плыли под бледной Луной.

ЭДЕЛЬВЕЙС

Я на землю смотрю с голубой высоты.
Я люблю эдельвейс, неземные цветы,
Что растут далеко от обычных оков,
Как застенчивый сон заповедных снегов.

С голубой высоты я на землю смотрю,
И безгласной мечтой я с душой говорю,
С той незримой Душой, что мерцает во мне
В те часы, как иду к неземной вышине.

И, помедлив, уйду с высоты голубой,
Не оставив следа на снегах за собой,
Но один лишь намек, белоснежный цветок,
Мне напомнит, что Мир бесконечно широк.

БЕЛЫЙ ЛЕБЕДЬ

Белый лебедь, лебедь чистый,
Сны твои всегда безмолвны,
Безмятежно-серебристый,
Ты скользишь, рождая волны.

Под тобою – глубь немая,
Без привета, без ответа,
Но скользишь ты, утопая
В бездне воздуха и света.

Над тобой – Эфир бездонный
С яркой Утренней Звездой.
Ты скользишь, преображенный
Отраженной красотой.

Символ нежности бесстрастной,
Недосказанной, несмелой,
Призрак женственно-прекрасный,
Лебедь чистый, лебедь белый!

ВДАЛИ ОТ ЗЕМЛИ

Вдали от Земли, беспокойной и мгливой,
В пределах бездонной, немой чистоты,
Я выстроил замок воздушно-лучистый,
Воздушно-лучистый Дворец Красоты.

Как остров плавучий над бурным волненьем,
Над вечной тревогой и зыбью воды,
Я полон в том замке немим упоеньем,
Немым упоеньем бесстрастной звезды.

Со мною беседуют Гении Света,
Прозрачные тучки со мной говорят,
И звезды родные огнями привета,
Огнями привета горят и горят.

И вижу я горы, и вижу пустыни,
Но что мне до вечной людской суеты, –
Мне ласково светят иные святыни,
Иные святыни в Дворце Красоты.

ВЕТЕР С МОРЯ

Marinero soy de amor,
У en su piélagо profundo
Navego sin esperanza
De llegar á puerto alguno.
Cervantes

Я моряк любви, и в ее
глубоком океане плыву
без надежды достичь
какой-нибудь гавани.
Сервантес

МОРСКАЯ ПЕСНЯ

Все, что любим, все мы кинем,
Каждый миг для нас другой: –
Мы сжились душой морской
С вечным ветром, с Морем синим.
    Наш полет
    Все вперед,
К целям сказочным ведет.

Рдяный вечер, догорая,
Тонет в зеркале Небес.
Вот он, новый мир чудес,
Вот она, волна морская.
    Чудный вид!
    Все молчит,
Только вол морской звучит.

Если мы вернемся вскоре
Переменчивым путем,
Мы с добычею придем: –
Нам дары приносит Море,
    В час ночной,
    Под Луной,
Мы спешим к стране иной.

Если ж даль не переспорим
И пробьет конец мечте, –
Мы потонем в Красоте,
Мы сольемся с синим Морем,
    И на дне,
    В полусне,
Будем грезить о волне.

В НЕПОЗНАННЫЙ ЧАС

И новые волны,
В непознанный час,
Все новые волны
Вставали для нас.

Шумели, сверкали,
И к дали влекли,
И гнали печали,
И пели вдали.

«Гляди, погляди же,
Как бездна светла!
Все ближе и ближе
Лазурная мгла!»

Как синие горы,
У павшие вниз,
Морские узоры
В громаду слились.

Закрыли громадой
Меня и тебя.
Я гибну с отрадой,
Я гасну любя.

В загадочном взоре,
Волнуясь, тону,
И слушаю в Море
Морскую волну.

ОНА, КАК РУСАЛКА

Она, как русалка, воздушна и странно-бледна,
В глазах у нее, ускользя, играет волна,
В зеленых глазах у нее глубина – холодна.

Приди, – и она обоймет, заласкает тебя,
Себя не жалея, терзая, быть может, губя,
Но все же она поцелует тебя не любя.

И вмиг отвернется, и будет душою вдали,
И будет молчать под Луной в золотистой пыли,
Смотря равнодушно, как тонут вдали – корабли.

КАК ВОЛНЫ МОРСКИЕ

Как волны морские,
Я не знаю покоя и вечно спешу.
Как волны морские,
Я слезами и холодом горьким дышу.

И как волны морские,
Над равниной хочу высоко вознестись.
И как волны морские,
Восходя, я спешу опрокинуться вниз.

ПОБЛЕДНЕВШАЯ НОЧЬ

Зашумела волна,
Покачнулся челнок.
И восстал ото сна
Пробужденный Восток.

Покачнулся челнок.
И уносится прочь.
И не видит Восток
Побледневшую ночь.

И уносится прочь
Все, чем счастлив я был,
Что в короткую ночь
Беззаветно любил.

ПОЛОСА СВЕТА

Море чуть мерцает под Луной
Зеркалом глубоким и холодным.
Веет сном и грустью неземной,
Чем-то дальним, сладостным, свободным.

Точно дух навек ушедших дней
Встал в тени немых воспоминаний,
Стал шептать слышней и все слышней
Сказку счастья с музыкой рыданий.

Светочем болезненным сверкнул,
Ярко вспыхнул дрогнувшей слезою,
Прожил миг – и в бездне утонул,
Бросив свет широкой полосою.

БЕЗДОМНЫЕ

Небосклон опрокинутый,

Уходящая даль.
Об отчизне покинутой
Замирает печаль.

Над пустынями водными
Виден пенный узор.
И слезами холодными
Затуманился взор.

И над мачтой мелькающей
Все темней небеса.
И корабль убегающий
Уронил паруса.

Над свинцовыми тучами
Альбатросы летят,
За волнами кипучими
С поднебесья следят.

Так и ждут, что раздвинутся
Очертанья волны,
Чтоб стремительно кинутся
С неземной вышины.

И почуяв, раскатами
Набегающий, гром,
Вновь рядами крылатыми
Выкликают кругом.

И бездомные, темные,
Посылают – в Лазурь
Эти крики заемные,
Эти отклики бурь.

В ДЫМКЕ НЕЖНО-ЗОЛОТОЙ

Hay mas dicha, mas contento
Que adorar una hermosura,
Brujuleada entre los lejos
De lo imposible?
Calderon

Есть ли бóльшее счастье, бóльшая
радость, как обожать красоту,
медленно встающую в далях
невозможного?
Кальдерон

Я ЗНАЛ

М. Л. Лохвицкой

Я знал, что, однажды тебя увидав,
Я буду любить тебя вечно.
Из женственных женщин богиню избрав,
Я жду – я люблю – бесконечно.

И если обманна, как всюду, любовь,
Любовью и мы усладимся,
И если с тобою мы встретимся вновь,
Мы снова чужими простимся.

А в час преступленья, улыбок, и сна
Я буду – ты будешь – далеко,
В стране, что для нас навсегда создана,
Где нет ни любви, ни порока.

НЕМАЯ ТЕНЬ

Немая тень среди чужих теней,
Я знал тебя, но ты не улыбалась, –
И, стройная, едва-едва склонялась
Под бременем навек ушедших дней, –

Как лилия, смущенная волною,
Склоненная над зеркалом реки, –
Как лебедь, ослепленный белизною
И полный удивленья и тоски.

ОДНОДНЕВКА

Я живу своей мечтой
В дымке нежно-золотой,
Близ уступов мертвых скал,
Там, где ветер задремал.

Весь я соткан из огня,
Я лучистый факел дня,
В дымке утренней рожден,
К светлой смерти присужден.

Однодневкой золотой

Вьюсь и рею над водой,
Вижу Солнце, вижу свет,
Всюду чувствую привет.

Только умер, вновь я жив,
Чуть шепчу в колосьях нив,
Чуть звеню волной ручья,
Слышу отклик соловья.

Вижу взоры красоты,
Слышу голос: «Милый! Ты?»
Вновь спешу в любви сгореть,
Смертью сладкой умереть.

ИЗ-ЗА ДАЛЬНИХ МОРЕЙ

Из-за дальних морей, из-за синих громад,
Из-за гор, где шумит и гремит водопад,
В твой альков я цветов принесу для тебя,
Зацелую, любя, заласкаю тебя.

А когда, отгорев, побледнеет луна,
И от жгучего сна заалет Весна,
Задрожешь ты, как тень, пробужденье гоня,
И, краснея весь день, не забудешь меня.

НЕТ И НЕ БУДЕТ

Как нам отрадно задуматься в сумерках светлых вдвоем!
Тень пролетевшего ангела вижу во взоре твоём.

Сердце трепещет восторженно вольною радостью птиц.
Вижу блаженство, сокрытое бархатной тенью ресниц.

Руки невольно касаются милых сочувственных рук.
Призраки мирного счастья кротко столпились вокруг.

Белыми светлыми крыльями веют и реют во мгле.
Как нам отрадно проникнуться правдой Небес на Земле!

Нет, и не будет, и не было сердца нежней твоего,
Нет и не будет и не было, кроме тебя, ничего.

Вот, мы блаженны, как ангелы, вот мы с тобою вдвоем.
Друг мой, какое признание вижу во взоре твоём!

ДО ПОСЛЕДНЕГО ДНЯ

Быть может, когда ты уйдешь от меня,
Ты будешь ко мне холодней.
Но целую жизнь, до последнего дня,
О, друг мой, ты будешь моей.

Я знаю, что новые страсти придут,
С другим ты забудешься вновь.
Но в памяти прежние образы ждут,
И старая тлеет любовь.

И будет мучительно-сладостный миг: –
В лучах отлетевшего дня,
С другим заглянувши в бессмертный родник,
Ты вздрогнешь – и вспомнишь меня.

АЛАЯ И БЕЛАЯ

1

Мы встретились молча. Закат умирал запоздалый.
Весь мир был исполнен возникшей для нас тишиной.
Две розы раскрылись и вспыхнули грезой усталой, –
Одна – озаренная жизнью, с окраскою алой,
Другая – горящая снежной немой белизной.

И ветер промчался. Он сблизил их пышные чаши.
Мы сладко любили на склоне предсмертного дня.
Как сладко дышали сердца и созвучия наши!
Что в мире рождалось воздушнее, сказочней, краше!
Зачем, о, зачем же закрылась ты – прежде меня?

2

Я свернула светлые одежды,
Я погасла вместе с краской дня.
Для меня поблекли все надежды,
Мне так сладко спать, закрывши вежды, –
Для чего ты дышишь на меня!

Дышишь сладким ядом аромата,
Будишь в сердце прежние огни...
Я, как ты, была жива когда-то,
К радости для сердца нет возврата...

Будь как я! Забудь! Умри! Усни!

МГНОВЕНИЯ ПРАВДЫ

Кто часто бывает среди людей,
того не могут посещать ангелы.
Сульциций Север

ЗОВ

Есть правдивые мгновенья,
Сны, дающие забвенья,
Луч над бездной вечно-зыбкой,
Взоры с кроткою улыбкой.

В темной ночи этой жизни
Дышит зов к иной отчизне,
Звон заоблачных соборов,
Ткань светлей земных узоров.

Есть намек на Мир Святыни,
Есть оазисы в пустыне,
Счастлив тот, кто ждет участия,
Счастлив тот, кто верит в счастье.

Все, на чем печать мгновенья,
Брызжет светом откровенья,
Веет жизнью вечно-цельной,
Дышит правдой запредельной.

ПОЗАБЫТОЕ

Мечтой уношусь я к местам позабытым,
К холмам одиноким, дождями размытым,
К далеким, стоокиим, родимым планетам,
Что светят сквозь ветви таинственным светом.

Я вновь удаляюсь к первичным святыням,
Где дремлют купаваы на озере синем,
Где ландыши в роще и дышат, и светят,
И если их спросишь, – слезами ответят.

Мне чудятся всплески, и запах фиалок,

И эхо от звонкого смеха русалок,
Мне слышится голос умершей печали, –
И стоном за склоном ответственуют дали.

РЕЗИГНАЦИЯ

Звучная волна забытых сочетаний,
Шепчущий родник давно умолкших дней,
    Стон утихнувших страданий,
    Свет угаснувших огней,
С вами говорю в тени воспоминаний,
С вами я дышу и глубже, и полней!

Вижу я цветы заброшенного сада,
Липы вековые, сосны, тополя.
    Здесь навек остаться надо,
    Здесь приветливы поля.
С сердцем говорит церковная ограда,
Кладбища родного мирная земля.

О, не отдавайся мыслям недовольным!
Спи, волнение лживо, и туманна даль, –
    Все любил ты сердцем вольным,
    Полюби свою печаль, –
Отзвучат надежды звоном колокольным,
И тебе не будет отжитого жаль.

ПАУТИНКИ

Если вечер настанет и длинные, длинные
Паутинки, летая, блистают по воздуху,
Вдруг запросятся слезы из глаз беспричинные,
И стремишься из комнаты к воле и к отдыху.

И, мгновенью отдавшись, как тень, преклоняешься,
Удивляешься Солнцу, за лесом уснувшему,
И с безмолвием странного мира сливаешься,
Уходя к незабвенному, к счастью минувшему.

И проходишь мечтою аллеи старинные,
Где в вечернем сиянии ждал неизвестного
И ребенком следил, как проносятся длинные
Паутинки воздушные, тени Чудесного.

ТИШИНА

Чуть бледнеют янтари
Нежно-палевой зари.
Всюду ласковая тишь,
Спят купавы, спит камыш.

Задремавшая река
Отражает облака,
Тихий, бледный свет небес,
Тихий, темный, сонный лес.

В этом царстве тишины
Веют сладостные сны,
Дышит ночь, сменяя день,
Медлит гаснущая тень.

В эти воды с вышины
Смотрит бледный серп Луны,
Звезды тихий свет струят,
Очи ангелов глядят.

ЛУННАЯ НОЧЬ

Сонет

Когда я посмотрел на бледную Луну,
Она шепнула мне: «Сегодня спать не надо».
И я ушел вкушать ночную тишину,
Меня лелеяла воздушная прохлада.

Деревья старые заброшенного сада,
Казалось, видели во сне свою весну,
Была полна мечты их смутная громада,
Застыл недвижимый дуб, ласкающий сосну.

И точно таинство безмолвное свершалось:
В высотах облачных печалилась Луна,
Улыбкой грустной на что-то улыбалась.

И вдруг открылось мне, что жизнь моя темна,
Что юность быстрая, как легкий сон, умчалась, –
И плакала со мной ночная тишина.

ЗИМНИЙ ДЫМ

Дым встает, и к белой крыше
Под упорством ветра льнет.
Встало Солнце. Ветер тише.
Дым воздушный отдохнет.

Будет ровной полосой
Восходить, как фимиам
Вечно тающей красою
К вечно синим Небесам!

В ЧАЩЕ ЛЕСА

Дальнее, синее,
Небо светлеется,
В сетке из инея
Ясно виднеется,
Синее, синее.

Тихое счастье
В синей Безбрежности,
Проблеск участия,
Чаянье нежности,
Кроткое счастье.

Счастье забвения –
Там в беспредельности,
Свет откровения,
В бездне бесцельности –
Цельность забвения.

ГАВАНЬ СПОКОЙНАЯ

Гавань спокойная. Гул умирающий.
Звон колокольный, с небес долетающий.
Ангелов мирных невнятное пение.
Радость прозрачная. Сладость забвения.

Гор отдаленных вершины узорные,
Алые, белые, темные, черные.
Созданный духами ярко-певучими,
Радуги свод над огромными тучами.

Сладко-печальная, мгла полусонная,
Тихой вечерней звездой озаренная.
Богом открытая правда мгновения.

Буря умершая. Свет и забвение.

В ПРОСТРАНСТВАХ ЭФИРА

В прозрачных пространствах Эфира,
Над сумраком дольного мира,
Над шумом забытой метели,
Два светлые духа летели.

Они от земли удалялись,
И звездам чуть слышно смеялись,
И с Неба они увидали
За далями новые дали.

И стихли они понемногу,
Стремясь к неизменному Богу,
И слышали новое эхо
Иного чуть слышного смеха.

С Земли их никто не приметил,
Но сумрак вечерний был светел,
В тот час как они над Землею
Летели, покрытые мглою.

С Земли их никто не увидел,
Но доброго злой не обидел,
В тот час как они увидали
За далями новые дали.

ПРАВДА

А правда пошла по поднебесью.
Из Голубиной книги

Кривда с Правдою сходилась,
Кривда в споре верх взяла.
Правда в Солнце превратилась,
В мире чистый свет зажгла.

Удалилась к поднебесью,
Бросив Кривду на земле,
Светит лугу, перелесью,
Жизнь рождает в мертвой мгле.

С той поры до дней текущих
Только Правдой и жива

Меж цветов и трав цветущих
Жизни грусть, плакун-трава.

С той поры на синем Море,
Там, где вал непобедим,
Правда ждет с огнем во взоре
Птица мощная Стратим.

И когда она протянет
Два могучия крыла, –
Солнце встанет, Море грянет:
«Правда, Правда в мир пришла!»

СОН

Внемлите, смертные Земли,
Я Тот, Кто был, Кто есть, Кто будет,
Чьи мысли бездну звезд зажгли,
Кто бледной травки не забудет.

Любите, смертные, Меня,
Свою мечту боготворите,
Молитесь Митре в блеске дня,
И ночью пойте гимн Таните.

Зовите тысячью имен
Того, Кто сердце вам пробудит,
Боготворите светлый Сон,
Который был, и есть, и будет.

НЕЯСНАЯ РАДУГА

Неясная радуга. Звезда отдаленная.
Долина и облако. И грусть неизбежная.
Легенда о счастье, борьбой возмущенная.
Лазурь непонятная, немая, безбрежная.

Зарница неверная. Печаль многострунная.
Цветы нерасцветшие. Волнение безвольное.
Мечта заповедная, туманная, лунная.
И Море бессонное, как сон – беспредельное.

Виденья прозрачные и призрачно-нежные.
Стыдливого ангела призыванья несмелые.
Стремление к дальнему. Поля многоснежные,
Застывшие, мертвые, – и белые, белые.

«ПРОСТИ!»

Кто услышал тайный ропот Вечности,
Для того беззвучен мир земной, –
Чья душа коснулась бесконечности,
Тот навек проникся тишиной.

Перед ним виденья сокровенные,
Вкруг него безбрежность светлых снов,
Легче тучек, тихие, мгновенные,
Легче грезы, музыка без слов.

Он не будет жаждать избавления,
Он его нашел на дне души, –
Это в Море час успокоения,
Это парус, дремлющий в тиши.

Белый парус, в синих далях тающий,
Как «Прости» всего, что Рок унес,
Как привет, в последний раз блистающий,
Чтоб угаснуть, там – вдали – без слез.
У развалин Помпеи.

Осень, 1897

АККОРДЫ

Concord in discord.
John Ford

Единство в разногласии.
Джон Форд

АККОРДЫ

C'est un phare allumé sur mille citadelles.
Baudelaire

Мне снился мучительный Гойя, художник чудовищных грез, –
Больная насмешка над жизнью, – над царством могилы вопрос.

Мне снился бессмертный Веласкес, Коэльо, Мурильо святой,

Создавший воздушность и холод и пламень мечты золотой.

И Винчи, спокойный, как Гете, и светлый, как сон, Рафаэль,
И нежный, как вздох, Боттичелли, нежней, чем весною свирель.

Мне снились волхвы откровений, любимцы грядущих времен,
Воззванья влекущих на битву, властительно-ярких знамен.

Намеки на сверхчеловека, обломки нездешних миров,
Аккорды бездонных значеньем, еще не разгаданных снов.

ТРИ СИМВОЛА

Явились в мир уже давно, – в начале
Наивных и мечтательных времен, –
Венчанный змей, собака, скорпион,
Три символа в Персидском ритуале.

Венчанный змей – коварство и обман,
И скорпион – источник разрушенья,
Их создал грозный царь уничтоженья,
Властитель зла и ночи, Ариман.

Но против духов тьмы стоит собака.
Ее Ормузд послал к своим сынам, –
Когда весь мир уснет, уступит снам,
Она не спит среди ночного мрака.

Ничтожен скорпион, бессилен змей,
Всевластен свет лучистого владыки,
Во тьме ночной звучат над миром клики:
«Я жду! Будь тверд! Я жду! Благоговей!»

МУЗЫКА

Мы слышим воздушное пенье чудесной игры,
Не видя поющего вам серафима.
Вздыхаем под тенью гигантской горы,
Вершина которой для нашего духа незрима.

И чувствуем смутно, что, если б душой мы могли
Достичь до вершины, далекой и снежной,
Тогда бы – загадки печальной Земли
Мы поняли лучше, упившись мечтою безбрежной.

Но нет, мы бессильны, закрыта звенящая даль,

И звуки живые скорбят, умирая,
И в сердце обманутом плачет печаль,
И гаснут, чуть вспыхнув, лучи недоступного Рая.

СПЯЩАЯ МАДОННА

Сассоферрато, в музее Брера, в Милане

Сонмом духов окруженная,
В ярком свете чистоты,
Тихим вихрем вознесенная
За пределы высоты,
Над уснувшим полусонная,
Матерь Бога, это Ты!

В безгреховности зачавшая,
Вечно-девственная Мать,
Сына светлого пославшая
Смертью новый свет создать,
Всей душою пострадавшая,
Как могла лишь мать страдать!

Нерассказанная гением,
Неисчерпанность мечты,
Сон, зовущий к сновидениям,
Просветленные черты,
Вечный луч над вечным тлением,
Матерь Бога, это Ты!

ПРЕД КАРТИНОЙ ГРЕКО

В музее Прадо, в Мадриде

1

На картине Греко вытянулись тени.
Длинные, восходят. Неба не достать.
«Где же нам найти воздушные ступени?
Как же нам пути небесные создать?»

Сумрачный художник, ангел возмущенный.
Неба захотел ты, в Небо ты вступил, –
И, с высот низвергнут, Богом побежденный,
Ужасом безумья дерзость искупил.

Да, но безумье твое было безумье священное,
Мир для тебя превратился в тюрьму,
Ты разлюбил все земное, неверное, пленное,
Взор устремлял ты лишь к высшему Сну своему.

Да, все монахи твои – это не тени согбенные,
Это не темные сонмы рабов,
Лица их странные, между других – удлинённые,
С жадностью тянутся к высшей разгадке миров.

ОТВЕРЖЕННЫЙ

Отчаянье истерзанной души,
В свидетели тебя я призываю,
Что я не спал в изнеженной тиши,
Что я не шел к заманчивому Раю.

Я светлого покоя не хотел,
Боясь забыть о тех, на ком проклятье,
Меня манил мучительный удел,
Меня влекли отверженные братья.

Не ангелы, а демоны со мной
Печальную дорогу совершили,
И дни мои в обители земной
Развеялись, как груда темной пыли.

КАМЕЯ

Клеопатра, полновластная царица,
Сон Египетских ночей,
Чаровница и блудница,
Озаренная сияньем ускользящих лучей.

Ты окутана немеркнувшею славой,
И донныне сохранил
Отблеск славы величавой
На волнах своих ленивых плодоносный сонный Нил.

Дочь надменного владыки Птолемея,
Я дарю тебе свой стих,
Потому что ты, камей,
И в любви и в самой смерти непохожа на других.

ПЛАМЯ

Нет. Уходи скорей. К восторгам не зови.
Любить? – Любя, убить, – вот красота любви.
Я только миг люблю, и удаляюсь прочь.
Со мной был яркий день, за мной клубится ночь.

Я не люблю тебя. Мне жаль тебя губить.
Беги, пока еще ты можешь не любить.
Как жернов буду я для полудетских плеч.
Светить и греть?.. – Уйди! Могу я только жечь.

ПОЛУРАЗОРВАННЫЕ ТУЧИ

Полуразорванные тучи
Плывут над жадною землей,
Они, спокойны и могучи,
Поят весь мир холодной мглой.
Своими взмахами живыми
Они дают и дождь, и тень,
Они стрелами огневыми
Сжигают избы деревень.

Есть души в мире – те же тучи,
Для них земля – как сон, как твердь;
Они, спокойны и могучи,
Даруют жизнь, даруют смерть.
Рабы мечты и сладострастья,
В себе лелеют дар певца,
Они навек приносят счастье,
И губят, губят без конца.

КОГДА ЖЕ?

О, жизни волненье! О, свет и любовь!
Когда же мы встретимся вновь?
Когда я узнаю не сны наяву,
А радостный возглас: «Живу!»

Мы детство не любим, от Солнца ушли,
Забыли веленья Земли,
И, сердце утратив, отдавшись мечте,
Слепые, мы ждем в пустоте.

Отступники между уставших врагов,
Мы видим лишь гроб и альков,
Холодное пламя угасших светил
Над царством цветов и могил.

АНГЛИЙСКИЙ ПЕЙЗАЖ

В отдаленной дымке утопая,
Привиденьями деревья стали в ряд.
Чуть заметна дымка голубая,
Чуть заметные огни за ней горят.

Воздух полон тающей печалью,
Все предчувствием неясным смущено. —
Что там тонет? Что за этой далью?
Там, как в сердце отуманенном, темно!

Точно шопот ночи раздается,
Точно небо наклонилось над землей
И над ней, беззвучное, смеется,
Все, как саваном, окутанное мглой.

В ОКСФОРДЕ

Словно усыпаны хлопьями снега,
Искрятся яблони, млея в цветах.
Ветер, о ветви ударив с разбега,
Шепчет и прячется в дальних кустах.
В парке мечтательном лунная нега,
Лунные ласки дрожат на листьях.

С башен доносится бой колокольный,
Дремлют колледжи в объятьях теней.
Сладостный час для души недовольной,
Стройные мысли сплетаются в ней,
К небу уходят от горести дольной,
Беглость минут выступает ясней.

Дышат деревья, их пышность нетленна,
Грезят колледжи о Средних Веках.
Зимние думы промчатся мгновенно,
Воды проснутся в родных берегах.
Время проходит, мечта неизменна,
Наше грядущее в наших руках.

ВЕЧЕР

Удвоены влагой сквозною,
Живя неземной белизною,
Купавы на небо глядят.
И дремлют прибрежные травы,
И внемлют их вздохам купавы,
Но с ними вздохнуть не хотят.

На озере, тихом и сонном,
Наскучив путем раскаленным,
Качается огненный лик, –
То Солнце, зардевшись закатом,
На озере, негой объятom,
Лелеет лучистый двойник.

И тучка, – воздушная нега, –
Воздушной нагорного снега,
На воды глядит с вышины;
Охвачена жизнью двойною,
Сквозя неземной белизною,
Чуть дышет в улыбке волны.

*Оксфорд.
Весна, 1897*

РУЧЕЙ

Вильяму Р. Морфилю

«Кто печаль развеял дымкой?
Кто меж тучек невидимкой
Тусклый месяц засветил?
Кто, шурша травой густою,
Возмущает над водою
Точно дальний дым кадил?»

«Чья печаль в твоём журчаньи?»
Я спросил в ночном молчаньи
У звенящего ручья.
«Чья печаль в росе блестящей,
И в осоке шелестящей?»
Мне ручей сказал: «Ничья!»

«Отчего же так печальны,
Так уныло-музыкальны

Трепетанья быстрых вод?»
«Я пою!» – ручей ответил.
«Я всегда певуч и светел,
Я всегда бегу вперед!»

КРЫМСКАЯ КАРТИНКА

Все сильнее горя,
Молодая заря
На цветы уронила росу.
Гул в лесу пробежал,
Горный лес задрожал,
Зашумел между скал водопад Учан-Су.
И горяч, и могуч,
Вспыхнул солнечный луч,
Протянулся, дрожит, и целует росу.
Поцелуй его жгуч,
Он сверкает в лесу,
Там, где гул так певуч,
Он целует росу,
А меж сосен шумит и журчит Учан-Су.

В ОКРЕСТНОСТЯХ МАДРИДА

Ты глядела мне в душу с улыбкой богини.
Ты со мною была, но была на картине.

Ты собой создавала виденье Искусства,
Озаренное пламенем яркого чувства.

Мы стремились к горам из Испанской столицы.
Мы с тобой улетали, как вольные птицы.

И дома чуть виднелись, в лучах утопая.
И над нами раскинулась ширь голубая.

И пред нами предстала вдали Гвадаррама,
Как преддверье воздушного белого храма.

МЕЧТАТЕЛЬНЫЙ ВЕЧЕР

Мечтательный вечер над лесом дышал безмятежно,
От новой Луны протянулась лучистая нить,

И первые звезды мерцали так слабо и нежно,
Как будто бы ветер чуть слышный их мог погасить.

И было так странно, и были так сказочны ели,
Как мертвая сталь, холодела поверхность реки,
О чем-то невнятном, о чем-то печальном, без цели,
Как будто бы пели над влажным песком тростники.

И в бледном объятии две тени родные дрожали,
И каждой хотелось в другой о себе позабыть,
Как будто бы можно в блаженстве не ведать печали,
Как будто бы сердце людское способно любить!

* * *

От последней улыбки луча
На горах засветилася нега,
И родились, блестя и журча,
Два ключа из нагорного снега.

И, сбегая с вершины горы,
Обнимаясь в восторге едином,
Устремились в иные миры,
К отдаленным лугам и долинам.

И в один сочетались ключ,
Он бежал, прорезая узоры.
Но от мрака разгневанных туч
Затуманились хмурые горы.

И последняя ласка луча
Потонула в туманной печали.
И холодные капли ключа
На остывшую землю упали.

* * *

Где-то волны отзвучали,
Волны, полные печали,
И в ответ
Шепчет ветер перелетный,
Беззаботный, безотчетный,
Шепчет ветер перелетный,
Что на свете горя нет.

АМАРИЛЛИС

Амариллис, бледная светлана!
Как неожиданно сердце мне смутили
Ласки мимолетного обмана,
Чашечки едва раскрытых лилий.
О, как сладко светлое незнание!
Долго ли продлится обаяние,
Много ль золотистого тумана,
Сколько будет жить моя светлана?

Призрак упований запредельных,
Тайна предрассветного мечтания,
Радостей прозрачных и бесцельных, –
С чем тебя сравню из мироздания?
С ландышем сравнить тебя не смею,
Молча, амариллис я лелею.
Стройная пленительностью стана,
Бледная воздушная светлана!

И ТЫ ИЗМЕНИЛА

И ты изменила,
Не черной изменой,
Но быструю смертью своей красоты.
Ушла, как светило,
Развеялась пеной,
Померкла, как песня, во мгле пустоты.

Цветы, расцветая,
Немой красотой
Приветствуют Вечность и вянут во сне.
И пыль золотая
Летит над водою,
И тает и тонет в чужой глубине.

Я жаждал слиянья
С лучом откровенья,
Созвучия встречи с бессмертной душой.
Но нет обаянья,
Погасло мгновенье,
И смертному смертный – навеки чужой.

К ШЕЛЛИ

Мой лучший брат, мой светлый гений,
С тобою слился я в одно.
Меж нами цепь одних мучений,
Одних небесных заблуждений
Всегда лучистое звено.

И я, как ты, люблю равнины
Безбрежных стонущих морей,
И я с душою андрогины,
Нежней, чем лилия долины,
Живу как тень среди людей.

И я, как свет, вскормленный тучей,
Блистаю вспышкой золотой.
И мне открыт аккорд певучий
Неумирающих созвучий,
Рожденных вечной Красотой.

КОШМАРЫ

For like an eyeless night-mare grief did sit
Upon his being...
Shelley

Потому что печаль, как безглазый
кошмар, нависла над его существом...
Шелли

УЗОРНОЕ ОКНО

На бледно-лазурном стекле
Расписаны ярко узоры.
Цветы наклонились к земле,
Скала убегает к скале,
И видно, как дремлют во мгле
Далекие снежные горы.
Но что за высоким окном
Горит нерассказанным сном,
И краски сливает в узоры?

Не дышит ли там Красота
В мерцании мира и лени?
Всхожу, – и бледнеет мечта,
К печали ведет высота,
За ярким окном пустота, –

Меня обманули ступени.
Все дремлет в немой полумгле,
И только на мертвом стекле
Играют бездушные тени.

ПРОЙДУТ ВЕКА ВЕКОВ

Пройдут века веков, толпы тысячелетий,
Как туча саранчи, с собой несущей смерть,
И в быстром ропоте испуганных столетий
До горького конца пребудет та же твердь, –

Немая, мертвая, отвергнутая Богом,
Живущим далеко в беззвездных небесах,
В дыханьи Вечности, за гранью, за порогом
Всего понятного, горящего в словах.

Всегда холодная, пустыня звезд над нами
Останется чужой до горького конца,
Когда она падет кометными огнями,
Как брызги слез немых с печального лица.

ВЕЩИЙ СОН

Сонет

Как вещий сон волшебника-Халдея,
В моей душе стоит одна мечта.
Пустыня Мира дремлет, холодея,
В Пустыне Мира дремлет Красота.

От снежных гор с высокого хребта
Гигантская восходит орхидея,
Над ней отравой дышит пустота.
И гаснут звезды, в сумраке редея.

Лазурный свод безбрежен и глубок,
Но в глубь его зловеще-тусклым взглядом
Глядит – глядит чудовищный цветок,

Взлелеянный желаньем, полный ядом,
И далеко – теснит немой простор
Оплоты Мира, глыбы мертвых гор.

«БОГ НЕ ПОМНИТ ИХ...»

В тусклом беззвучном Шеоле
Дремлют без снов рефаимы,
Тени умерших на воле,
Мертвой неволей хранимы.

Память склонилась у входа,
К темной стене припадая.
Нет им ни часа, ни года,
Нет им призывов Шаддая.

В черной подземной пустыне
Мертвые спят караваны,
Спят вековые твердыни,
Богом забытые страны.

СФИНКС

Среди песков пустыни вековой,
Безмолвный Сфинкс царит на фоне ночи,
В лучах Луны гигантской головой
Встает, растет, – глядят, не видя, очи.

С отчаяньем живого мертвеца,
Воскресшего в безвременной могиле,
Здесь бился раб, томился без конца, –
Рабы кошмар в граните воплотили.

И замысел чудовищной мечты,
Средь Вечности, всегда однообразной,
Восстал как враг обычной красоты,
Как сон, слепой, немой, и безобразный.

В ЧАС ВЕЧЕРНИЙ

Зачем в названьи звезд отравленные звуки, –
Змея, и Скорпион, и Гидра, и Весы?
– О, друг мой, в царстве звезд все та же боль разлуки,
Там так же тягостны мгновенья и часы.

О, друг мой, плачущий со мною в час вечерний,
И там, как здесь, царит Судьбы неправый суд,
Змеей мерцает ложь, и гидра жгучих терний –
Отплата мрачная за радости минут.

И потому теперь в туманности Эфира
Рассыпались огни безвременной росы,
И дышат в темноте, дрожат над болью Мира –
Змея, и Скорпион, и Гидра, и Весы.

РАВНИНА

Как угрюмый кошмар исполина,
Поглотивши луга и леса,
Без конца протянулась равнина,
И краями ушла в Небеса.

И краями пронзила пространство,
И до звезд прикоснулась вдали,
Затенив мировое убранство
Монотонной печалью Земли.

И далекие звезды застыли
В беспредельности мертвых Небес,
Как огни бриллиантовой пыли
На лазури предвечных завес.

И в просторе пустыни бесплодной,
Где недвижим кошмар мировой,
Только носится ветер холодный,
Шевеля пожелтевшей травой.

В ЦАРСТВЕ ЛЬДОВ

Sit down; and let us
Upon that point fix all our eyes, that point there.
Make a dull silence, till you feel a sudden sadness
Give us new souls.
Beaumont

Сядемте; устремим все наше внимание на
ту точку, вон на ту точку. Предадимся мрачному
молчанию, пока вы не почувствуете, что
внезапная скорбь дает нам новую душу.
Бомонт

В ЦАРСТВЕ ЛЬДОВ

1

Как призраки огромные,
Стоят немые льды.
Над ними тучи темные,
Под ними глубь воды.

Когда Луна, – гасильница
Туманных бледных звезд, –
Небесная кадилъница, –
Раскинет светлый мост,

Раскинет мост сверкающий
Над царством белых льдов, –
Пустынею нетающей
Идут ряды врагов.

2

Туманные видения
Искателей земли
Для жадного стремления
Преграду здесь нашли.

И были здесь отвергнуты
Холодною волной,
Отвергнуты, повергнуты
Пустыней ледяной.

Засыпаны бездушными
Пушинками снегов,
Покрыты равнодушными
Тенями облаков.

3

Но раз в году, единственный,
В ту ночь как новый год
Рождается таинственный
Из бездны темных вод, –

Путями заповедными
Покинув Океан,
Луна горит победными
Лучами сквозь туман.

И раз в году, единственный,
За гранью мертвых вод,
За дымкою таинственной

Умершее живет.

4

Из бездны отдаления,
Искатели земли,
Встают, как привидения,
Немые корабли.

И мачтами возносятся
Высоко в небеса,
И точно в битву просятся
Седые паруса.

Но снова, караванами,
Растают корабли,
Не встретив за туманами
Неведомой земли.

5

И вслед за ними, – смутные
Угрозы царству льдов, –
Растут ежеминутные
Толпы иных врагов.

То люди первородные,
Избранники Судьбы,
В мечтаниях – свободные,
В скитаниях – рабы.

Но, вставши на мгновение
Угрозой царству льдов,
Бледнеют привидения,
Редеют тени снов.

6

Другие первозданные
Игралища страстей,
Идут виденья странные, –
Похожи на людей.

Гигантские чудовища, –
Тяжелый сон веков, –
Идут искать сокровища,
Заветных берегов.

И в страхе на мгновение,

Звучит скала к скале, –
Но вот уже видения
Растаяли во мгле.

7

Безбрежно озаренная
Мерцанием Луны,
Молчит пустыня сонная
И вечно видит сны.

И видит сны преступные, –
Судьбы неправый суд.
Но, вечно недоступные,
Оплоты льдов растут.

В насмешку над исканьями
Восходит их краса –
Немыми очертаньями
В немые Небеса.

ЧТО СЛЫШНО В ГОРАХ?

«Что ты слышишь в горах?» ты спросила меня.
«Что ты слышишь в горах?» я спросил. «Расскажи мне сначала».
«Пробужденье веселого летнего дня».
Ты с улыбкою мне отвечала.
«Мелодичное пенье альпийских рожков,
И бляенье овец, и мычанье быков,
И журчанье ключей искрометных,
Над вершиной бесшумный полет облаков,
Пенье птиц, крики птиц перелетных...
Ну, а ты?»

И, задумавшись, я отвечал: –
«Нет, мне слышен не шопот, а ропот,
Ропот черной грозы, и раскатный обвал,
Точно демонов яростный топот,
Заблудившихся путников горестный крик,
Монотонно-гремящее эхо,
Человеческих воплей ответный двойник,
Звук чьего-то злорадного смеха.
И еще, что слышнее всех бурь и громов,
Что страшнее, чем звон долголетних оков
И тяжелые муки изгнанья: –
Это – сон вековых непробудных снегов,
Это – Смерти молчанье...»

МОРСКАЯ ПЕНА

Как пена морская, на миг возникая,
Погибнет, сверкая, растает дождем, –
Мы, дети мгновенья, живем для стремленья,
И в море забвенья могилу найдем.

Зачем ежечасно, волнуясь напрасно,
Стремимся мы страстно к обманной мечте?
Зачем мы рыдаем, скользим и блистаем,
И вновь пропадаем в немой пустоте?

О, жизни волненье! Блаженство, мученье!
Печаль и сомненье! Как жалко мне вас!
Бежать бы мне вечно, дышать бесконечно,
Светиться беспечно в полуденный час!

В ЛАБИРИНТЕ

1

ПРОХОДЯ ПО ЛАБИРИНТУ

Позабыв о блеске Солнца, в свете призрачных огней,
Проходя по лабиринту бесконечных ступеней,
С каждым шагом холодею, с каждым днем темнее грусть,
Все, что было, все, что будет, знаю, знаю наизусть.

Было много... Сны, надежды, свежесть чувства, чистота,
А теперь душа измята, извращенна, и пуста.
Я устал. Весна поблекла. С Небом порван мой завет.
Тридцать лет моих я прожил. Больше молодости нет.

Я в бесцельности блуждаю, в беспредельности грущу,
И, утратив счет ошибкам, больше Бога не ищу.
Я хотел от сердца к Небу перебросить светлый мост, –
Сердце прокляло созвездья, сердце хочет лучших звезд.

Что же мне еще осталось? С каждым шагом холодеть?
И на все, что просит счастья, с безучастием глядеть?
О, последняя надежда, свет измученной души,
Смерть, услада всех страданий, Смерть, я жду тебя, спешу!

2

ОНА ПРИДЕТ

Она придет ко мне безмолвная,
Она придет ко мне бесстрастная,
Непостижимой неги полная,
Успокоительно-прекрасная.

Она придет как сон таинственный,
Как звук родной во мгле изгнания,
И сладок будет миг единственный
На грани мрака и сознания.

Я буду тихим, буду радостным,
Изведав счастье примирения,
Я буду полон чувством сладостным,
Неизъяснимостью забвения.

Безгласно буду я беседовать
С моей душою улетающей,
Безгласно буду проповедовать
О силе жизни созидающей, –

О силе Правды, не скудеющей
За невозбранными пределами,
И над умершим тихо веющей
В последний раз крылами белыми.

КОМУ Я МОЛЮСЬ?

Кому я молюсь? Холодному ветру.
Кому я молюсь? Равнине морской.
Я брат не людям, а буре и ветру,
Я брат холодной равнине морской.

Куда иду я? К горным вершинам.
Куда иду я? К пустыням глухим.
Я брат холодному горному ветру,
Живу одиноко и растаю как дым.

Чего хочу я? Тени последней.
Чего хочу я? Смерти одной.
Я дух бесстрастный, дух неприютный.
Хочу я дремоты, дремоты ночной.

* * *

О, волны морские, родная стихия моя,

Всегда вы свободно бежите в иные края,
Всегда одиноки в холодном движении своем,
А мы безутешно тоскуем – одни и вдвоем.

Зачем не могу я дышать и бежать, как волна,
Я в мире один, и душа у меня холодна,
Я также спешу все в иные, в иные края, –
О, волны морские, родная стихия моя!

* * *

Море – вечное стремленье, горы – царственный покой.
Если ты стремишься к счастью, вверх ладью волне морской:
Час придет, волнением вечным утомится жадный взор, –
Спи тогда с разбитым сердцем в тихом царстве мертвых гор.

НА ВЕРШИНЕ

Я в горы ушел до рассвета: –
Все выше, туда, к ледникам,
Где ласка горячего лета
Лишь снится предвечным снегам, –

Туда, где холодные волны
Еще нерожденных ключей
Бледнеют, кристально-безмолвны,
И грезят о чарах лучей, –

Где белые призраки дремлют,
Где Время сдержало полет,
И ветру звенящему внемлют
Лишь звезды, да тучи, да лед.

Я знал, что века пролетели,
Для сердца Земля умерла.
Давно возвестили метели
О гибели Блага и Зла.

Еще малодушные люди
Цепей не хотели стряхнуть.
Но с думой о сказочном чуде
Я к Небу направил свой путь.

И топот шагов неустанных
Окрестное эхо будил,
И в откликах звучных и странных

Я грезам ответ находил.

И слышал я сагу седую,
Пропетую Гением гор,
Я видел Звезду Золотую,
С безмолвием вел разговор.

Достиг высочайшей вершины
И вдруг мне послышался гул: –
Домчавшийся ветер долины
Печальную песню шепнул.

Он пел мне: «Безумный! безумный!
Я – ветер долин и полей,
Там праздник, веселый и шумный,
Там воздух нежней и теплей».

Он пел мне: «Ты ищешь Лазури?
Как тучка растаешь во мгле!
И вечно небесные бури
Стремятся к зеленой Земле».

«Прощай!» говорил он. «Хочу я
К долинам уйти с высоты, –
Там ждут моего поцелуя,
Там дышат живые цветы.

У каждого дом есть уютный,
Открытый дневному лучу.
Прощай, пилигрим бесприютный,
Спешу... Убегаю... Лечу!»

Все смолкло. Снега холодели
В мерцаньи вечерних лучей.
И крупные звезды блестели
Печалью нездешних очей.

Далекое Небо вздымалось,
Ревнивую тайну храня.
И что-то в душе оборвалось,
И льды усыпили меня.

Мне чудилось: Колокол дальний
С лазурного Неба гудел,
Все тише, нежней и печальней, –
Он что-то напомнить хотел.

И, видя хребты ледяные,
Я понял в тот призрачный миг,
Что, бросив обманы земные,
Я правды Небес не достиг.

ДОН-ЖУАН

But now I am an emperor of a world,
This little world of man. My passions are
My subjects.
Tourneur

Но теперь я властитель над целым
миром, над этим малым миром человека.
Мои страсти – мои подданные.
Тэрнер

ДОН-ЖУАН

Отрывки из ненаписанной поэмы

1

La luna plena... Полная луна...
Иньес, бледна, целует, как гитана.
Те ато... ато... Снова тишина...
Но мрачен взор упорный Дон-Жуана.

Слова солгут, – для мысли нет обмана, –
Любовь людей, – она ему смешна.
Он видел все, он понял слишком рано
Значение мечтательного сна.

Переходя от женщины продажной
К монахине, безгрешной, как мечта,
Стремясь к тому, в чем дышет красота,

Ища улыбки глаз бездонно-влажной,
Он видел сон земли, не сон небес,
И жар души испытанной исчез.

2

Он будет мстить. С бесстрашием пирата
Он будет плыть среди бесплодных вод.
Ни родины, ни матери, ни брата,
Над ним навис враждебный небосвод.

Земная жизнь – постылый ряд забот,
Любовь – цветок, лишенный аромата.

О, лишь бы плыть – куда-нибудь – вперед, –
К развенчанным святыням нет возврата.

Он будет мстить. И тысячи сердец
Поработит дыханием отравы.
Взамен мечты он хочет мрачной славы.

И женщины сплетут ему венец,
Теряя все за сладкий миг обмана,
В проклятьях восхваляя Дон-Жуана.

3

Что ж, Дон-Люис? Вопрос – совсем нетрудный.
Один удар его навек решит.
Мы связаны враждою обоюдной.
Ты честный муж, – не так ли? Я бандит?

Где блещет шпага, там язык молчит.
Вперед! Вот так! Прекрасно! Выпад чудный.
А, Дон-Люис! Ты падаешь? Убит.
In pace requiescat. Безрассудный!

Забыл, что Дон-Жуан неуязвим!
Быть может, самым Адом я храним,
Чтоб стать для всех примерам лютой казни.

Готов служить. Не этим, так другим.
И мне ли быть доступным для боязни,
Когда я жаждой мести одержим!

4

Сгушался вечер. Запад угасал.
Взошла луна за темным океаном.
Опять кругом гремел стозвучный вал,
Как шум грозы, летящей по курганам.

Я вспомнил степь. Я вижу за туманом
Усадьбу, сад, нарядный бальный зал,
Где тем же сладко-чувственным обманом
Я взоры Русских женщин зажигал.

На зов любви к красавице-княгине
Вошел я тихо-тихо, точно вор.
Она ждала. И ждет меня доньне.

Но ночь еще хранила свой убор,
А я летел, как мчится смерч в пустыне,
Сквозь степь я гнал коня во весь опор.

Промчались дни желанья светлой славы,
 Желанья быть среди полубогов.
 Я полюбил жестокие забавы,
 Полеты акробатов, бой быков,
 Зверинцы, где свиваются удавы,
 И девственность, вводимую в альков –
 На путь неопикуемых видений,
 Блаженно-извращенных наслаждений.

Я полюбил пленяющий разврат
 С его неутоляющей усладой,
 С его пренебреженьем всех преград,
 С его – ему лишь свойственной – отрадой.
 Со всех цветов собирая аромат,
 Люблю я жгучий зной сменить прохладой,
 И, взяв свое в любви с чужой женой,
 Встречать ее улыбкой ледяной.

И вдруг опять в моей душе проглянет
 Какой-то сон, какой-то свет иной,
 И образ мой пред женщиной предстанет
 Окутанным печалью неземной.
 И вновь ее он как-то сладко ранит,
 И, вновь – раба, она пойдет за мной.
 И поспешит отдаться наслажденью
 Восторженной и гаснущею тенью.

Любовь и смерть, блаженство и печаль
 Во мне живут красивым сочетаньем,
 Я всех маню, как тонущая даль,
 Уклончивым и тонким очертаньем,
 Блистательно убийственным, как сталь,
 С ее немим змеиным трепетаньем.
 Я весь – огонь, и холод, и обман,
 Я – радугой пронизанный туман.

ЗАБЫТАЯ КОЛОКОЛЬНЯ

И человек в человеке увидал врага.
 То был первый великий грех.
 И человек в женщине увидел
 игрушку страстей своих.
 То был второй великий грех.
 И полюбили они грехи свои,
 и возвели их в перл созданья,

и преступление смешалось с красотой,
и опьянили себя чарами Искусства.
То был третий грех, величайший.
И мера их беззакония исполнилась.
Из Летописи Мира

1

Над забытой колокольной
Таёт странный бледный свет,
Словно грусть о жизни дольной,
Той, в которой счастья нет.
Над забытой колокольной,
В свете сказочных огней,
Все печальней, недовольней
Сонмы бледные теней –
Тех, которые молились,
Преступления полны,
И неправдой утомились,
И в земле погребены,
Тех, которые молились,
Возмущаясь тишиной,
И навеки удалились,
Удалились в мир иной.

2

Лес молчит во сне,
Сон его могилен.
Только в тишине
Стонет мрачный филин.

Красная Луна
Между елей тонет.
Всюду тишина,
Только филин стонет.

Лес молчит и спит,
Сон увидел чудный.
Кто-то был убит,
Здесь, в глуши безлюдной.

3

Много лет тому назад
Звезды таяли в тумане.
Ночью брата встретил брат,
На лесной глухой поляне.

Ночью брата встретил брат,
Смутно дрогнул мрак глубокий.
В эту ночь у райских врат
Плакал ангел одинокий.

4

И тысячи ангелов, тысячи Гениев Света,
В пределах небесных скорбели над сонной Землей,
Искали у Бога тревожным вопросам ответа,
И лучшие звезды, бледнея, подернулись мглой.

Но Бог не ответил, зачем допустил преступленье,
И падали звезды в пространстве одна за другой,
Узнавши, что им за мятеж суждено в искупленье –
Дышать и дрожать над пустыней тревоги людской.

5

В темноте миллионы теней
Погребальным идут хороводом.
И при свете болотных огней
Исчезает народ за народом.

И не в силах безумцы понять,
Что вращаются в круге замкнутом,
Что неверных огней не догнать
И нельзя отдаваться минутам, –

Что помимо звериных страстей
Есть иное святое блаженство –
Красота первозданных Идей,
Гармоничных миров совершенство.

И безумцы не в силах постичь
Бесконечную прелесть познания,
И не слышат немолкнущий клич,
Отдаленный восторг Мироздания.

6

Мы цветы срывали, нам цветы цвели,
Разные дороги к счастью нас вели.

Нам светили звезды, Солнце, и Луна,
Все для нас погасло, всюду тишина.

Мы цветы сорвали, больше нет цветов,
Звезды утонули в бездне облаков.

Разными путями к смерти мы пришли,
Счастья искали, счастья не нашли.

7

Лес молчит во сне,
Сон его туманен.
В мертвой тишине
Кто-то в сердце ранен.

Так волна к волне
В озере стремится.
В мертвой тишине
Тень, одна, томится.

Лес молчит во сне,
Слышит: Кто-то стонет.
В водной глубине
Женский образ тонет.

8

Русалка очнулась на дне,
Зеленые очи открыла,
И тут же на дне, в стороне,
Родного ребенка зарыла.

И слышит, как бьется дитя,
Как бредит о мире свободном.
Русалка смеется, шутя –
Привольно ей в царстве подводном.

И долгие годы пройдут,
Русалка в воде побелеет,
И люди русалку найдут,
Когда глубина обмелеет.

И люди русалку найдут
Застывшим немым изваяньем,
Дивиться искусству придут,
Молчанью молиться молчаньем.

То будет в последние дни,
Когда мы простимся с Мадонной,
Над бездной засветим огни,
Услышим свой марш похоронный.

9

Что же там за странный гул?
Ты сказал, что мир уснул.
Ты сказал, что темный лес
Спит в безмолвии чудес,
Дремлет сказкой быстрых дней,
Бредит грезами теней.
Долгий мрачный гул встает.
Это колокол поет!
Совесь грозная земли,
Говорит: «Восстань! Внемли!»
Это колокол гудит,
Долгим гулом сердцу мстит
За греховные мечты
Искаженной красоты.

10

«Вы умершие, вы мертвые, хоть кажетесь живыми,
Вы закончили кружение в жестокой пустоте.
Вы, упорствуя, играете костями роковыми,
Но грозит уж срок содвинутый, и вы уже не те.

Все исчерпано, окончено, проиграно, чужое,
Вам лишь тление, гниение среди черной темноты.
Если ранее томились вы, томленье будет вдвое,
Вы – лишь прах от растоптания убитой Красоты».

ЗВЕЗДА ПУСТЫНИ

Иногда в пустыне возникают
голоса, но никто не знает, откуда они.
Слова одного бедуина

1

О, Господи, молю Тебя, приди!
Уж тридцать лет в пустыне я блуждаю,
Уж тридцать лет ношу огонь в груди,
Уж тридцать лет Тебя я ожидаю.
О, Господи, молю Тебя, приди!

Мне разум говорит, что нет Тебя,
Но слепо я безумным сердцем верю,
И падаю, и мучаюсь, любя.
Ты видишь, я душой не лицемерю,
Хоть разум мне кричит, что нет Тебя!

О, смилуйся над гибнущим рабом!
Нет больше сил стонать среди пустыни,
Зажгись во мраке огненным столбом,
Приди, молю Тебя, я жду святыни.
О, смилуйся над гибнущим рабом!

2

Только что сердце молилось Тебе,
Только что вверилось темной судьбе, –
Больше не хочет молиться и ждать,
Больше не может страдать.

Точно задвинулись двери тюрьмы,
Душно мне, страшно от шепчущей тьмы,
Хочется в пропасть взглянуть и упасть,
Хочется Бога проклясть.

3

О, Даятель немых сновидений,
О, Создатель всемирного света,
Я не знаю Твоих откровений,
Я не слышу ответа.

Или трудно Тебе отозваться?
Или жаль Тебе скудного слова?
Вот уж струны готовы порваться
От страданья земного.

Не хочу славословий заемных, –
Лучше крики пытаемых пленных,
Если Ты не блистаешь для темных,
И терзаешь смиренных!

4

О, как Ты далек! Не найти мне Тебя, не найти!
У стали глаза от простора пустыни безлюдной.
Лишь кости верблюдов белеют на тусклом пути,
Да чахлые травы змеятся над почвою скудной.

Я жду, я тоскую. Вдали вырастают сады.
О, радость! Я вижу, как пальмы растут, зеленея.
Сверкают кувшины, звеня от блестящей воды.
Все ближе, все ярче! – И сердце забилося, робея.

Боятся и шепчет: «Оазис!» – Как сладко цвести

В садах, где, как праздник, пленительна жизнь молодая.
Но что это? Кости верблюдов лежат на пути!
Все скрылось. Лишь носится ветер, пески наметая.

5

Но замер и ветер средь мертвых песков,
И тише, чем шорох увядших листьев,
Протяжней, чем шум Океана,
Без слов, но, слагаясь в созвучия слов,

Из сфер неземного тумана,
Послышался голос, как будто бы зов,
Как будто дошедший сквозь бездну веков
Утихший полет урагана.

6

«Я откроюсь тебе в неожиданный миг,
И никто не узнает об этом,
Но в душе у тебя загорится родник,
Озаренный негаснущим светом.
Я откроюсь тебе в неожиданный миг.
Не печалься. Не думай об этом.

Ты воскликнул, что Я бесконечно далек, —
Я в тебе, ты во Мне, нераздельно.
Но пока сохрани только этот намек: —
Все – в одном. Все глубоко и цельно.
Я незримым лучом над тобою горю,
Я желанием правды в тебе говорю».

7

И там, где пустыня с Лазурью слилась,
Звезда ослепительным ликом зажглась.
Испуганно смотрит с немой вышины, —
И вот над пустыней зареяли сны.

Донесся откуда-то гаснущий звон,
И стал вырастать в вышину небосклон.
И взорам открылось при свете зарниц,
Что в небе есть тайны, но нет в нем границ.

И образ пустыни от взоров исчез,
За небом раздвинулось Небо небес.
Что жизнью казалось, то сном пронеслось,
И вечное, вечное счастье зажглось.

*Рим.
Осень, 1897*

Печатается по: Бальмонт К. Д. Собрание сочинений в 7 тт. – М.: Книжный Клуб Книговек, 2010. Т. 1.

Сформатировано на <http://rusilverage.blogspot.com/>